

БОЛТУН

Рассказ

Михаил посматривал в окно и легко угадывал среди ребят, гонявших мяч на площадке, своего сына. «Не замечал, а ведь он взрослеет уже. Постой, постой, так мне тогда столько же было, когда с отцом на сенокосы стали ездить, — рассуждал он сам с собой. — Сколько лет прошло? Двадцать? Или двадцать один, не больше. Это так мало, а как успела измениться жизнь. Подумать только, тогда мы кормили корову, овец, телят, коз, чтоб самим не голодать. Теперь это никому не надо. Все можно купить в магазине. Вон поля за деревней не косятся». Михаил сделал шаг к окну, будто так можно было лучше рассмотреть играющих подростков. «Интересно, — подумал он, — а они смогли бы вот так, как мы тогда? Работать в лесу, на комарах?» Все припомнилось вдруг, как оно было тогда, с отцом...

Уезжал Сергей с детьми на дальний сенокос по быстрой, порожистой Сулле. Жена оставалась дома на хозяйстве, и помочь ему, кроме детей-подростков, было некому. Утомляли долгие сборы, все упомянуть надо, не оставить бы чего. Косу-стойку, грабли на троих, брусок для точки косы, вилы, топор, нож, чайник, ложки, кружки, хлебы и, конечно, палатку. Рыбацкой избушки, где бы можно было пожить в сенокосные дни, поблизости не было. Кроме того, укладывали по чемодану сменной одежды и обуви. Вспотеешь по десять раз на дню, или дождь пойдет, во что переоденешься?

К полудню отправлялись. Путь неблизкий, километров восемнадцать вверх по реке. Чтобы подняться в порогах, сноровка нужна. А у Сергея в помощниках сынишка двенадцати лет да дочка десятилетняя. Какие из них еще умельцы шестом орудовать на реке. Все сам успевал. И за рулем следить, и лодку подтолкнуть, где у мотора сил не хватало, и за руслом смотреть, чтоб, не дай бог, не наскочить на камни. Детям сказано покрепче держаться за скамейку под собой. На воде жидко, не забалуешь. По-всякому бывает. Вильнет лодка случайно, и охнуть не успеешь, за бортом окажешься.

Ближе к вечеру наконец подъезжали к Болтуну, где им предстояло полмесяца, это если при хорошей погоде, без дождей, вручную ставить сено. «А почему Болтун, папа?» — тут же и спросили дети. «Ручей здесь недалеко из болот вытекает, шумный такой, говорливый. Вот и назвали Болтуном. Вечером его можно услышать за полкилометра», — объяснял Сергей. А сам первым делом брал в руки косу и прокашивал дорогу к становой. Определяли место под костер, стол и палатку. Убирали с выкошенной площади траву. Предстояло обустройство летнего дома под открытым небом. Сергей шел в лес, рубил много еловых веток. Все вместе они укладывали еловую постель, и только тогда поверх ее устанавливали палатку, застилали в ней. Земля по ночам отхлаживала, а так было больше гарантий не застудить детей. На скорую руку Сергей сооружал таган¹, кипятили воду на чай. Что может быть вкуснее свежесваренного чая на природе? А костер потрескивал, дымком пахивал.

Любовь Михеева родилась и живет в Архангельской области.

¹ Таган — деревянное приспособление, на котором удобно кипятить воду в чайнике на костре.

Шли дни, тяжелые для всех. С вечера Сергей уходил косить. Солнце садилось, и на траве роса, косить легче. На просторе валил покос за покосом, радовался, что травостой хороший. Не ленился заглянуть в каждую кулигу². Зимой лишней охалке сена ох как рада хозяйка. В одну из таких ночей пал заморозок. Нечасто, но бывает и такое посреди июля. Сначала было просто прохладно. Одежда потеплее. Палатку обложил сеном и под нее с каждой стороны подоткнул сенца еще. На глазах луг из зеленого превращался в зелено-белый, как из сказки. Коса звенела о ледяную траву, а она, подкошенная, падала рядами, словно отряды оловянных солдатиков в неравном бою. От косыбы такой Сергей не успел почувствовать усталости, пока не поднялось солнце. Враз загудели комариные тучи, исчез белый налет с травы, и спина стала обливаться потом. Под утро шел в палатку. Сон валил с ног.

Часов в девять поднимал детей. Умывались на речке. Вода в Сулле холодная. Окунешься в ней — тело огнем горит. Здравствуй, утро! Сон долой! Бежали кормить козу, доил ее Сергей сам. Долго думали-гадали с женой перед тем, как отправиться на сенокос, брать козу с собой, нет. С ней хоть и хлопотно, а с молоком сытнее. Вот и решили: куда дети, туда и коза Машка.

С половины десятого начинали грести кошенину³ третьего дня. Сначала поворачивали сено, чтоб каждый пластик его обветривал и с той стороны, что прилегал к земле, и за ночь набрал влаги. Делали это быстро и дружно. За полтора часа на большущей площади сено топорщилось, гребешками взрыхленное. Грабли играли в руках, как будто не только сено было воздушным, а и они невесомыми. Так легко они бегали, туда-сюда. Ратовища⁴ у граблей для детей Сергей укоротил, что уменьшало и без того небольшой их вес почти вдвое. Сгребали сено в перевалы и шли к становью отдохнуть. Пока Сергей разбирался с супом и кашей у костра, Миша с Валею — купаться. Наступали истинные минуты наслаждения. Успевшее притомиться тело наслаждалось ласками холодной воды, млело в ней. Влажный воздух над рекой смешивался с запахами трав, цветов и подсушенного сена. Из леска слабо за плеском воды, но нет-нет да и доносилось пение птиц. Стоило ступить на прибрежный песок, как гармонию эту нарушали досаждающий, непроходящий писк комаров, жужжание мух, слепней. Спешили в дым костра. В нем можно было найти хоть какую-то отдушину от болезненных укусов злющего гнуса. Пять минут счастья испарялись, словно белое облачко. Впереди маячили два часа нелегкого труда на солнцепеке в ожидании и предвкушении с каждой минуточкой приближения конца делу, достигнув которого можно опять сигануть в воду.

Отдохнув, принимались собирать сено в кучи. Маленькую кучу сена Миша ловко подсаживал на носила, и они с сестренкой тащили ее к зароду⁵. Миша шел всегда впереди, Валя сзади, но за кучей ее не было видно. Казалось, Миша один несет кучу сена на каком-то необычном приспособлении для нее. За это время Сергей успевал заметить в остожье⁶ подгнившие стожары⁷ и подпоры. Рубил, чистил, таскал из леса на себе. Замечывал зарод, а время от времени торопился к детям. Толстой веревкой в виде петли снашивал сено для метки. «Все меньше детям останется», — думал он. И снова метал. К восьми-девяти завершал зарод, а Миша с Валею кухарничали у костра. Коза от них ни на шаг не отходила. Они наклонялись к огню, поворачивались к нему то одним боком, то другим, чтоб дымом густым обволокло их с ног до головы. Она толка-

² Кулига — травяная лужайка в кустах.

³ Кошенина — трава, скошенная три дня назад.

⁴ Ратовище — ручка у граблей.

⁵ Зарод — стог сена.

⁶ Остожье — место, где поставлен зарод и взято в изгородь.

⁷ Стожары — шести, вбиваемые в землю, между ними укладывается сено.

лась вместе с ними и тоже подворачивала бока в чад. Дети смеялись: «Понимает она, что ли»? А коза заглядывала им в глаза и бляяла, бляяла. Что хотела сказать? Позже они поймут что.

Наступал поздний долгожданный вечер. Укладывались поуютнее в палатке, плотно закрыв ее. Сергей давал себе волю на два часа отрешиться от забот и тут же проваливался в сон. Дети же доставали из заветного рюкзака игрушки, книги. Валя начинала кормить своих куколок, баюкала их, пела колыбельную. Миша читал, благо белые ночи позволяли. Иногда Валя просила его читать вслух и под его голос быстренько закатывалась сама, как ясно солнышко, раньше кукол. Если хватало сил, то на сон грядущий подолгу играли в домино. Звенел будильник, Сергею казалось, он только что уснул, а драгоценные условленные часы уже минули. Пора выходить на косьбу. Поднимался, не осторожничая, знал, умаявшись за день, дети не проснутся. Спали они по обе стороны от него, плотно прижавшись к отцу горячими спинками.

С первого заезда на сенокос облюбовали Миша и Валя старую корявую березу, что широко раскинула крону свою на другой стороне луга от пристани. Длинные, толстые ветви свисали так низко, что по ним дети легко взбирались на березу и не раз слезили почти до макушки, как они говорили. В расщелинах толстой коры они поселили на квартиры своих любимцев: собачку Кирину, гнома зеленого, гнома красного, солдата, Незнайку, Знайку, Карандаша. Как только выпадало свободное время, легко вскарабкивались наверх, к игрушкам. Огромные корни березы частично торчали над землей. Под ними было нарыто множество норок, и по ним сновали ящерицы, особенно если их побеспокоишь. То, что они верткие, не мешало детям ловко отлавливать их. Валя могла удерживать в одной руке до пяти ящериц. Каждой они давали имя, различали их по окрасу. Одну-две могли притащить и в палатку. Бывало, что просыпался ночью Сергей, а на него с соседней подушки в упор смотрела ящерица. Сначала это пугало его. Он ощущал некое отталкивающее чувство в себе к крохотному лупоглазому ящеру. А потом ничего, привык. Оказывается, ящерицы — наидобрейшие существа. И взгляд у них не холодный, а спокойный, умиротворенный.

Случались за время сенокоса и легкие дни, если их можно было так назвать. Собирались тучи, предвещавшие дождь. «Барашки забегали», как говорил соседущка Василий Иванович, называя так кучевые тучки. «Они не опасны. Дождя не будет», — прогнозировал он. И однажды излишняя самонадеянность его подвела. Ушло-таки сено под дождь. А Сергей дometывал последнее просохшее, в голове назойливо сверлило: «Чем заняться?» Первым делом давал себе выспаться, набраться сил. Если небо так и не прояснялось, шел чистить заросшие окраинные лужайки от кустов и деревьев.

Любил сбегать за ягодами на часок-другой, детям на морс. Манила жимолость. Это из нее самый вкусный сок. Назревали земляника, красная смородина. Собирал он их подчистую, умело. Бабушка еще брала его с собой по ягоды, когда был совсем мальцом. Даст ведерко, посадит у ягод, где черники полно. Скажет: «Тут бери. Смотри у меня!» Погрозит ему пальцем и уйдет на болотце, что рядом, сено сметать, что подкосила на днях. И когда она все успевала, ведь ей уж тогда за семьдесят было.

К концу сенокосной поры доходила и морошка. Решили раз сходить за ней всеми, болото рядом, рукой подать. А тут еще и отец сказал: «Лодка пойдет какая-нибудь в деревню, маме посылку отправим». Казалось, не шли, летели. Так хотелось маму удивить, какие они! Да и от козы пытались отвязаться, бежала следом, пока Болтун не перешли. Она же побоялась сунуться в воду, поревела еще и повернула обратно. А как вернулись, Ваня, соседский мальчик, им рассказывал: «Вы ушли, я спал. Слышу, за ухо меня кто-то щиплет. Открываю глаза, Машка ваша в палатку ко мне забралась. Как она это сделала? И прогнать же невозможно. Я ее и так и этак. Ну, ни в какую! Пока кедом по морде не дал». Миша с Валею переглянулись, поняли друг друга. Донима-

ли козу комары и мошки. Вымя в кровь разъели. Если ранки начинали затягиваться, подсыхать, набрасывались с новой силой. Догадалась коза, как костер затухнет, в золу вымя изловчалась укладывать, в нем искала спасение, много раз обожглась. А дойка доставляла ей невыносимую боль. Не давалась, била копытцами. Чуюл гнус подлючий кровь и молоко бедного животного. Дружно, не сговариваясь, засобирались домой. Машу надо вывозить. Хватит, намучилась коза.

Правились детям подкармливать чаек на воде. Покидают им хлебушек или сухарики у самого бережка. Веселило то, что подлетали чайки близко, не боялись. А одна особенно смелая была. Миша и предложил сестре: «Давай я тебе хлеб на спину покрошу. Ты наклонись и стой так, не шевелись. Не смейся! А я за березой буду». Все сделали так, как и решили. Валя наклонилась, спинку столиком развернула. Чайка круги нарезала, как самолет перед посадкой. Валя начинала потряхиваться от смеха. Миша ей из-за березы: «Тихо, тихо». А громче не скажешь. Она же похохатывала все сильнее, сама вся шаталась, аж крошки на землю сыпались. Наконец птица спланировала, только хотела клюнуть лакомый кусочек с шатающейся спинки, Валя и упала лицом вниз. Чайка взмыла вверх, но вовсе не испугалась. Скорее, была раздосадована. Миша пулей выскочил к сестре, кричал на нее и называл нехорошими словами, оттого что она все испортила. Валя же каталась по траве, держась за животик, и никак не могла остановиться от смеха. Слишком долго стояла в напряжении.

Сенокос затягивался. Уже и август начался, а закончить работу не удавалось. Пришлось три раза выезжать в деревню. Первый раз ехали в баню. Во второй с козой задача вышла. А тут еще и хлебы и закончились. Решил Сергей сходить пешком за продуктами по прямой дороге через бор. Дети не захотели оставаться одни на станочье. Пойдем с тобой, и точка. Как только отец не отговаривал их. Когда на бор поднялись, тут Миша с Валею вперед Сергея бежали. Ветер поднялся, ни комарика вокруг. «Вот же благодать-то какая!» — не мог нарадоваться Сергей. Одного боялся, что не захотят дети завтра возвращаться, тяжело им. «Ничего, ничего, если что, один уйду. Справлюсь. Им и так досталось, пусть дома остаются», — совсем было решил уже он. А дети утром, услышав сквозь сон, что отец собирается, поднялись, как ваньки-встаньки: «Пойдем, папа». Сергей выскочил в коридор, чтоб никто не видел, как на глазах его заблестели слезы. «Меня жалеют. Господи, как сенокос-то их изменил». А уж как до Болтуна добрались, дети в минуту на березу заскочили. Как же, надо было Карандаша в школу отправить. Незнайка провинился за время отъезда. Знайка бездельничал, решив, что он всех умнее, получил строгача. Солдат на войну ушел, не успели проводить. Куколки спали, на дворе день, не бывало такого. Побежали навесить ящериц, потом лягушек в ближней ляге⁸. Те заквакали, заскакали от радости: «Приехали! Наши приехали!»

Утром за чаем решили добавить сети на реке. Окуня, хариуса на уху всегда добывали. Хотелось попытать счастья на красную рыбу. «Чем черт не шутит, ловят же люди. Может, и нам повезет. Порадовать бы детей напоследок. Семгу они и в глаза не видывали», — рассуждал про себя Сергей, когда отправились выбрасывать сети на ямы. А их спросил: «Ну, что? Будить вас завтра, когда проверять поеду?» — «Да, да», — загалдели. Возвращаясь, подъехали встряхнуть сеть, в которую почти всегда заходили окуни. Она затонула. «Странно, — подумал Сергей, — что за здоровяк там сидит?» Так и есть! Снял огромного окуня, а сеть продолжало водить. Миша с Валею перебирали сзади за ним по краю сети пальчиками так же быстро, как он. Научились. Нетерпеливо заглядывали в воду под руки отца. Слабая догадка ворохнулась в груди, боялся поверить. Детей предупредил: «Молчите». И вот из воды показалась голова семги. Собрался и выхватил ее, вместе с сетью бросил на дно лодки. Семужка оказалась не-

⁸ Ляга — низкое сырое место на окраине луга.

большой, килограмма на три. А радость безмерной! «Видно, Бог услышал мои думы». Дети шестами толкали лодку к пристани, прыгали по ней, как кузнечики, не опасаясь выпасть. Сергей смотрел на них и не поучал, а смеялся. Каждый день им теперь сопутствовала удача. Стало ясно, что у семги была подвижка. Уже и семикилограммовые рыбины не удивляли. Однажды, причалив к берегу, Сергей замешкался у лодки. Валя тут же подхватила семгу под жабры, закинула за спину и зашпешила по берегу. Хвост рыбины тащился по камням, хлоп-хлоп-хлоп.

Сегодня они покидали Болтун. Все было готово к отъезду. Сергей еще раз пробежался по убранным пожням⁹, залюбовался на зароды: «Десять тонн с детьми одолели. На всю зиму сена хватит. Как вывезти его теперь? В сентябре на лодке сколько я успею забрать? Только бы сентябрь был сухой. Остальное придется зимой на лошади. Когда лед окрепнет да дорогу пробьешь? На сентябрь надо налегать, на сентябрь», — прикидывал Сергей на бегу. Заскочил в корму лодки, завел мотор и крикнул детям: «Отталкивайте». Глянул на них мельком, а грусть в глазах заметил. Все утро были притихшие, как в воду опущенные.

Не знали они тогда, что будут приезжать сюда на сенокосы еще два лета. И встретят их игрушки на березе, пожелавшие остаться рядом с солдатом, похороненным у самой реки на семи ветрах.

⁹ Пожня — луг.